

Ф-412
223905

28.5
118

223905
1914
456*

ЮРИДИКА

19 $\frac{10}{11}$ 14.г.

1934 28.1 607 118

НОВОСТЬ!
КИНЕМАТОГРАФЪ

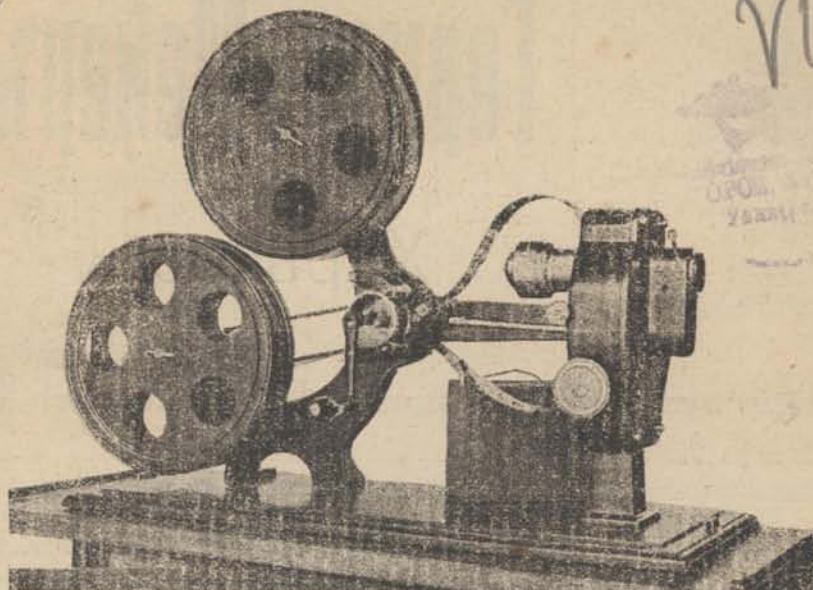
„КИНОСКОПЪ“

НОВОСТЬ!
КИНЕМАТОГРАФЪ

для школы, дома и небольшихъ театровъ.

„КИНОСКОПЪ“

независимъ отъ сильныхъ источниковъ свѣта.

„КИНОСКОПЪ“

вездѣ и всюду примѣнимъ.

„КИНОСКОПЪ“

пригоденъ для всѣхъ существующихъ картинъ.

„КИНОСКОПЪ“

изготавливается 3-хъ моделей: для сухихъ элементовъ, для аккумуляторовъ и для существующихъ электрическихъ освѣтительныхъ свѣтъ.

„Киноскопъ“ доступенъ по цѣнѣ.

„Киноскопъ“ простъ въ обращеніи.

Продажа у **„Анатолія Вернеръ“** ХАРЬКОВЪ, Московская, 4.

ПАРИКМАХЕРСКАЯ ЕЛЕНСКАГО

Николаевская пл., 25.

Залъ МУЖСКОЙ и ДАМСКОЙ.

Аутоклавъ для дезинфекціи.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУЧНА БИБЛИОТЕКА ХДУ

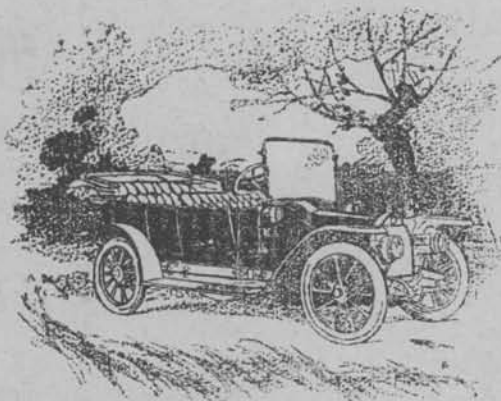
Іва. №

Телефонъ 25-55.

Имѣются всевозможныя волосныя работы, готовыя и на заказъ.

Маскарадныя костюмы на прокатъ.

Ф.Х.А.Т.

Германъ Мейеръ

Харьковъ.

Оптический магазинъ
П. Сергѣева
и П. Коськова

Московская, 7.

ЕДИНСТВЕННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
и технически правильное изготовленіе
очковъ, пенснэ и лорнетовъ со стеклами
Uni-Bifo, комбиниров. и призматическими:

Бинокли,
Барометры,
Золотые лорнеты.
Глаза 10000 шт.

Типо-Литографія М. Сергѣева и К. Гальченка.

Харьковъ, Московская, 10.

фз-412

Одинъ изъ многихъ

Онъ долгіе годы боролся съ нуждою
И крестъ свой тяжелый безропотно несь...
И палъ, побѣжденный жестокой судьбою,
Извѣдавъ не мало и горя, и слезъ.

* * *

Уже гимназистомъ четвертаго класса
Онъ матери, бѣдной вдовѣ, помогалъ,
Не могъ отдыхать безъ работы и часа,
Уроками скудными хлѣбъ добывалъ.

* * *

Худой, малокровный, измученный, блѣдный,
Окончилъ гимназію... Вотъ, онъ, моментъ,
Мечталъ о которомъ такъ труженикъ бѣдный;
И счастливъ онъ, гордъ своимъ званьемъ: „студентъ“.

* * *

Отваги, энергіи, мужества полный,
Къ наукѣ и знанью, и къ свѣту стремясь,
Онъ ринулся смѣло въ житейскія волны,
Ни бурь, ни невзгодъ, ни нужды не страшась.

* * *

Жестокій ударъ поразилъ его вскорѣ:
Въ чахоткѣ скончалась любимая мать,
Остался одинъ во всемъ мірѣ,—и горе
Въ упорномъ трудѣ онъ лишь могъ заглушать.

* * *

Уроки и снова уроки—вотъ средства,
Которыми право на жизнь добывалъ,—
А призракъ зловѣщій чахотки—наслѣдства
Забрало свое ужъ надъ нимъ приподнялъ.

* * *

Работая много, порой голодая,
Живя постоянно въ подвалахъ сырыхъ,
Здоровье свое надрывалъ онъ, не зная
Ни счастья, ни ласки, ни дней золотыхъ.

* * *

И въ дождь, возвращаясь однажды съ урока,
(Вода протекала сквозь дыры сапогъ),
Студентъ такъ промокъ, простудился жестоко,
Что лишь до квартиры добрелъ онъ—и слегъ.

* * *

Но, вѣрно, не скоро то можетъ случиться,
Немало вѣковъ въ даль безслѣдно уйдетъ,
Пока то великое чудо свершится,—
Что братство съ любовью на землю придетъ.

Недолго страдалъ. Точно огненной лавой
Наполнилась грудь, клокотало все тамъ,
Казалось, что вмѣстѣ съ мокротою кровавой
Выплѣвывалъ жизнь онъ свою по частямъ.

* * *

И было печально въ каморкѣ убогой:
Корзинка, кровать, рукомойникъ кривой,
Два сломанныхъ стула и столикъ трехногий,
Все вѣяло грустью, глубокой тоской.

* * *

И здѣсь, на постели, въ предсмертномъ хрипѣннѣ
Бѣдняга сводилъ свои счеы съ землей...
Еще одинъ мигъ,—прекратились мученья,
И смерть, торжествуя, стояла съ косою.

* * *

Спи съ миромъ, товарищъ! Земля тебѣ пухомъ
Да будетъ! Ты вѣчный обрѣлъ ужъ покой!
Былъ гордъ въ своей жизни недолгой ты духомъ
И молча страдалъ съ затаенной тоской.

* * *

А если бъ ты крикнулъ въ отчаяннѣ смѣломъ,
Что хочется жить и учиться тебѣ,
Что весь ты измученъ суровымъ удѣломъ
И просишь немного участія къ себѣ?

* * *

Какъ нищему, люди подачку швырнули-бъ
Тебѣ, чтобъ лишь криковъ твоихъ не слышать,
И, долгъ свой исполнивъ, свободно вздохнули-бъ
И вновь продолжали-бы сладко дремать.

* * *

Дремлите спокойно... Глаза вы закройте,
Пусть юноши гибнуть отъ острой нужды,
Отъ разныхъ болѣзней... Себя не разстройте
Лишь вы изъ-за нихъ, вѣдь они вамъ чужды.

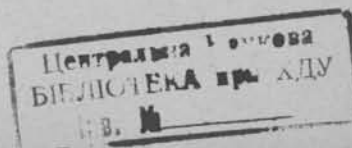
* * *

Когда же заглохнетъ жестокости сѣмя
Въ сердцахъ зачерствѣлыхъ, какъ камень, людскихъ,

Когда человѣкъ (но придетъ ли то время),
Вдругъ, вспомнить о ближнихъ, о братьяхъ
своихъ?!

* * *

Энгельс.

Пѣснь моря

(Посвящаю сестрѣ Нинѣ).

Смотрите, вечерніе сумерки все сильнѣе окутываютъ маленькую землю, темнѣетъ и, въ величіи своемъ, замираетъ море...

И также душа моя—море...

Наступаетъ лѣтняя ночь, все темнѣе и темнѣе кругомъ и... тамъ-здѣсь зажигаются трепещущія звѣзды...

И также душа моя—трепещущая звѣзда!..

Стемлѣло... Ночь... Звѣзды горятъ и всѣ отражаются въ морѣ, море видитъ ихъ внутри себя, въ своей глубинѣ...

Но море свѣтитъ и собственнымъ свѣтомъ, свѣтомъ своей глубины...

И также въ душѣ моей отражаются всѣ звѣзды, я вижу ихъ внутри себя, въ своей глубинѣ...

Но свѣтомъ собственной глубины хочу свѣтить я!..

Ночь... Звѣзды горятъ все ярче и симфонія ихъ слышится въ ночи...

Я говорю и голосъ мой также будетъ звучать въ симфоніи звѣздъ!..

Глубже ночь, тише кругомъ, все замираетъ и слышится яснѣе, какъ шумно бѣгутъ ручьи и рѣки, вливаясь въ море...

И также душа моя—море, и можно слышать, какъ шумно бѣгутъ ручьи и рѣки, вливаясь въ нее...

Но истощаются ручьи и рѣки, а море все глубже и глубже...

И также истощаются ручьи и рѣки моей души, а она все глубже и глубже...

Но замѣтили ли вы, что порою жуткій страхъ оковываетъ море?..

Оно боится испить всѣ воды...

— Ахъ, какъ это страшно безъ быстро бѣгущихъ ручьевъ и рѣкъ!..

О, тогда поднимается въ морѣ грозная буря и оно само кидаетъ свои гигантскія волны въ ручьи и рѣки, чтобы остановить ихъ притокъ въ себя...

Но, увы, всѣ ручьи и рѣки помѣщены въ руслахъ, склонныхъ къ морю и не могутъ они не впадать въ море...

— Такъ море пьетъ и тогда, когда не хочетъ!..

И не умѣщаясь въ свои берега, со страхомъ дальше не выдержать своей полноты, живетъ море, изо-дня въ день, потому что не можетъ по себѣ раздать свои берега, хотя порой и, уже вѣка, въ бѣшеномъ безуміи бьется о нихъ...

И также душа моя—пьетъ, когда не хочетъ, не умѣщаясь въ свои берега, боится не выдержать своей полноты и бѣшено бьется о берега свои, чтобы по себѣ раздать ихъ...

О, эти проклятые берега, которыхъ, по себѣ, не дано раздать даже морю, чтобы оно стонало всю жизнь въ борьбѣ!..

Я не хочу ихъ—береговъ—потому, что не хочу стона!..

Я хочу безбрежности потому, что чувствую ее въ себѣ!..

Прислушайтесь лучше... Слышите-ль вы, что уже глубокая ночь, все заснуло кругомъ и отдыхаетъ отъ трудовъ, даже какъ бы притихли ручьи и рѣки и звонъ ихъ бѣга сталъ тише, а море все плещетъ?..

Оно не можетъ уснуть потому, что оно море и въ него непрерывно и неудержимо втекаютъ ручьи и рѣки и поддерживаютъ его бдѣніе....

И также душа моя—не можетъ уснуть она потому, что въ нее непрерывно, неудержимо втекаютъ ручьи и рѣки и поддерживаютъ ее бдѣніе...

— Ахъ, это вѣчное бдѣніе!..

Но вотъ и безбрежность моря, его середина, его просторъ...

Развѣ видно тамъ, что море изъ рѣкъ?..

— Нѣтъ, тамъ только море, его вкусъ, его цвѣтъ...

И также въ моей безбрежности, въ просторѣ моей души не видно моихъ рѣкъ, также тамъ только моя душа, я, мой вкусъ, мой цвѣтъ!..

Смотрите, глубочайшая ночь и море молча чувствуетъ ночь...

И также душа моя молча чувствуетъ ночь...

Глубокая ночь окутала море и стихло море...

И также душа моя—море...

Глубокая ночь и горятъ трепещущія звѣзды...

И также душа моя—трепещущая звѣзда!..

К. Цагарели.

Степь

Луннымъ свѣтомъ степь залита

Ночью точно днемъ,

Дремлетъ старая ракета,

Тишина кругомъ...

Межъ кургановъ путь сѣрѣетъ,

Никого окрестъ,

При дорогѣ лишь чернѣетъ

Полусгнившій крестъ.

Очарованный луною

Бѣлый храмъ стоитъ,

И высоко надо мною

Звѣздный міръ горитъ...

Звѣзды живы—степь повита

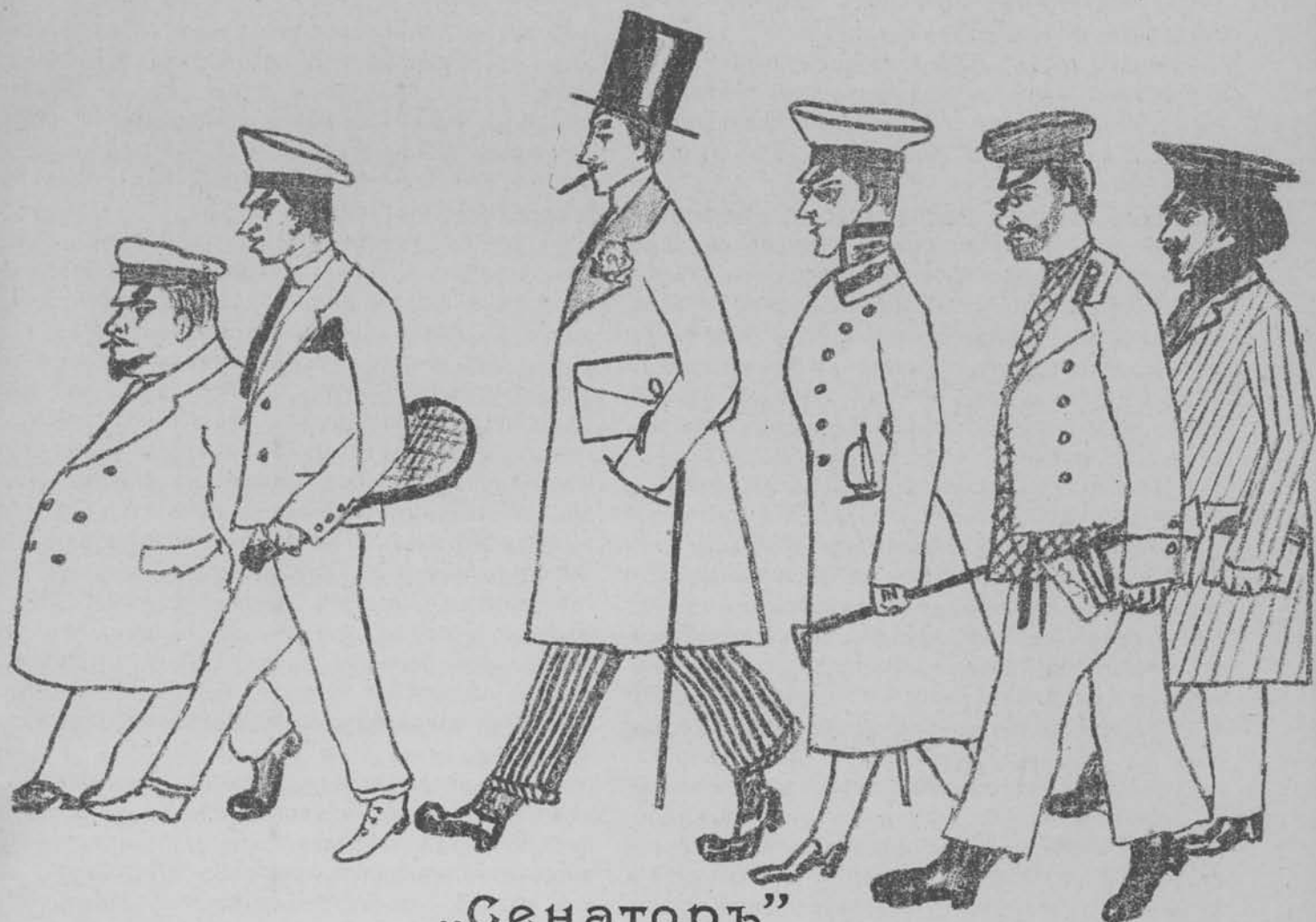
Непробуднымъ сномъ,

И вселенная открыта:

Я и міръ—вдвоемъ...

И. Семеновъ.

„Сенаторъ”

Уже то было необычайно, что дверь у товарища Квапа оказалась запертой... Но когда, наконецъ, я вошелъ къ нему, моимъ глазамъ представилась еще болѣе необычайная картина: былъ полдень, а постель была неубрана, на столѣ и окнѣ былъ хаосъ книгъ и бумагъ, волосы Квапа были растрепаны, одѣтъ онъ былъ въ тужурку наизнанку...

Настолько все это не вязалось ни съ Квапомъ, ни съ его комнатою, гдѣ всегда царилъ педантически образцовый порядокъ, что я хотѣлъ начать съ вопроса—

— Позвольте, что все это значитъ?!

Но только впустивъ меня, онъ такъ сразу углубился въ какія-то рукописи и такъ ничѣмъ не реагировалъ на мой приходъ, несмотря на то, что мы не видѣлись уже три дня, что я даже немного обидѣлся... Еще бы! мы были такими исключительными друзьями, я такъ цѣнилъ его какъ остроумнаго, талантливаго, отзывчиваго на

все товарища, что даже малѣйшее охлажденіе его ко мнѣ было бы мнѣ очень больно, а тутъ я видѣлъ полное равнодушіе...

— Чѣмъ могу служить?—важно сказалъ Квапъ, послѣ минутной паузы, все еще не поднимая головы отъ рукописи и, значить, не зная съ кѣмъ онъ говоритъ...

— Позвольте—возмутился я, быстро вставъ— что это за: „Чѣмъ могу служить?!“. Я ни въ чьихъ услугахъ не нуждаюсь!..

Тонъ моего голоса взялъ свое... Квапъ перевелъ взглядъ отъ рукописей на меня... Глаза его были красны, зрачки расширены, взглядъ мутенъ и разсѣянъ...

— А! Константъ!—киво улыбнулся онъ, едва узнававъ меня и всматриваясь въ меня.—Это ты?

Онъ дружески подаль мнѣ горячую, какъ уголь, руку, и, вдругъ расплывшись въ странную улыбку и не выпуская моей руки, продолжалъ:

— Ты что это, вспомнил старину, что въ студенческой тужуркѣ?

Чортъ возьми, какая же тутъ была старина, когда, какъ и онъ, я былъ студентъ четвертаго курса юридическаго факультета, донашивалъ тужурки и даже еще никогда не носилъ штатскаго платья?!

— Да, было время—глубоко вздохнулъ Квапъ, точно онъ вспомнилъ что-то далекое, когда-то любимое.—было золотое время студенчества!.. Да... Это не то, что теперь въ сенатѣ!.. Онъ всталъ и нервно заходилъ по комнатѣ—Ты знаешь, это адъ, а не сенатъ!.. Это не то, что сдавать зачеты... даже по церковному праву!.. Тутъ ты дай творчества!.. хоть умри, а твори!! Сенатъ не шутка!

Теперь я уже понялъ, что Квапъ «немного ни того»...

Этого, пожалуй, можно было ожидать... Онъ былъ исключительный нервный экземпляръ... Его нервы реагировали на все и до предѣловъ... Когда онъ впервые, на 3-емъ курсѣ, познакомился съ уголовными законами и почиталъ ихъ запоемъ, заглавія раздѣловъ: „насиліе“, „грабежъ“, „поджогъ“, „убійство“, „увѣчье“ и постоянныя упоминанія въ санкціяхъ тюрьмы, крѣпости, арестантскихъ ротъ, каторжныхъ работъ, произвели на него неотразимое, огромное, но отталкивающее впечатлѣніе. Онъ никакъ не могъ примириться съ крайней грубостью и преступленіи и наказаніи, и, съ пѣной у рта, нервно доказывалъ, что у насъ совсѣмъ нѣтъ настоящихъ законовъ, подходящихъ къ нашему вѣку...

Для жизни Квапъ не годился... Если, напр., онъ въ срокъ не получалъ письма, онъ готовъ былъ уничтожить міръ... Если бы самый близкій товарищъ опоздалъ приходомъ къ нему, когда онъ его ждалъ, онъ могъ порвать съ товарищемъ навсегда... Онъ никогда самъ не навязывалъ своихъ писемъ, для опущенія въ ящикъ, но если кто, взявшись за это, исполнялъ это не аккуратно, онъ готовъ былъ сойти съ ума... Небогатый человѣкъ, но и не нуждающійся, онъ на каждомъ шагу ссужалъ товарищей. Но когда товарищи не возвращали ему долга, несмотря на то, что онъ вдругъ очень нуждался, онъ не могъ просить о возвратѣ долга, рвалъ и металъ у себя въ комнатѣ и клялся больше не ссужать... Но... когда просили, онъ вновь ссужалъ... Онъ терпѣть не могъ, когда ему навязывали письма, для доставки товарищамъ, но отказаться стѣснялся каждый разъ, а потомъ, разыскивая адресатовъ, терзался, бѣгалъ и проклиналъ весь міръ... А ужъ

если ему поручали довести вещи или доставить посылочку, онъ окончательно дѣлался несчастнымъ...

— Сенаторы! — съ пафосомъ воскликнулъ Квапъ, послѣ нѣкоторой паузы—Я сенаторъ... Но шутка ли это?.. Гдѣ всѣ нужные законы?! Нѣтъ половины нужныхъ законовъ, нѣтъ трети, четверти, даже десятой, даже сотой, даже тысячной доли нужныхъ законовъ!!

Онъ подбѣжалъ къ столу, схватилъ съ него толстенную книжку съ трехцвѣтной окраской листьевъ и быстро поднесъ ее мнѣ подъ самый носъ... Я узналъ „Уголовные законы“...

— На, смотри, что это такое?! — гнѣвный вплотную подошелъ онъ ко мнѣ, приперевъ меня къ стѣнѣ.—Открой эту книгу!—тыкалъ онъ книгой въ меня—читай!!.. Что тутъ есть?! Что тутъ наказывается?! Грабежъ, поджогъ, убійство, насиліе, увѣчье, бунтъ!!! Но я спрашиваю васъ—вдругъ вышелъ онъ изъ себя—гдѣ тутъ наказанія за мельчайшія, тончайшія преступленія, которыя въ огромномъ количествѣ совершаются кругомъ въ жизни и которыя для людей нашего времени тысячу разъ больнѣе и острѣе, чѣмъ грабежъ, увѣчье, поджогъ и бунтъ!!? Меня еще никто не убилъ, не изувѣчилъ, не поджегъ, не ограбилъ, но сколько разъ мнѣ причиняли боль, тысячу разъ больнѣе, страданія миллионъ разъ тяжелѣе, чѣмъ причиняютъ поджогъ, увѣчье, убійство и насиліе?!.. Гдѣ тутъ наказанія для этихъ тончайшихъ и мельчайшихъ преступленій, слышите вы или нѣтъ!!? — окончательно вышелъ Квапъ изъ себя, остервенѣло швырнувъ въ уголъ „Уголовные законы“, и неистово начавъ трясти меня за плечи...

— Чортъ возьми, не я же составлялъ эти законы!—запротестовалъ я.—Въ 1845 году даже моего отца еще не было на свѣтѣ!!.. Чего же ты меня такъ трясешь?!.. Такихъ законовъ тутъ нѣтъ, которые нужны для современныхъ людей, какъ ты...

— А!! Нѣтъ?! Вотъ въ томъ то и дѣло!!—отошелъ вдругъ Квапъ отъ меня.—И вотъ сенатъ поручилъ мнѣ составить ихъ... Но шутка-ли это? Я тутъ работаю дни и ночи уже полгода, а что сдѣлано? Почти ничего!!..

Воспользовавшись тѣмъ, что онъ углубился въ рукописи, я направился къ дверямъ, чтобы бѣжать къ доктору, но онъ чутко замѣтилъ это...

— Ахъ, ты уходишь? Послушай, будь любезенъ, занеси хоть это, что я уже сдѣлалъ, въ Сенатъ или въ Думу—протянулъ мнѣ Квапъ кипу бумагъ—Это проектъ... Я чувствую, что не здоровъ и не могу поѣхать самъ... Прошу... не откажи...

Я началъ отказываться, говоря, что спѣшу въ „Государственный Совѣтъ“ на чрезвычайное собраніе. Но онъ настаивалъ и я взялъ „Проектъ“...

Провозившись затѣмъ цѣлый день съ устройствомъ Квапа въ больницѣ, я совершенно забылъ про его „Проектъ“. Но вечеромъ, прійдя домой, нашелъ его на столѣ и не могъ не заглянуть въ него... Но заглянувъ, я нашелъ, что многія статьи проекта не могутъ быть опубликованы, а въ тѣхъ немногихъ, которыя публикую „Сенаторъ“ былъ слишкомъ субъективенъ и слишкомъ отразилъ свою страдальческую жизнь и нервы... Но пусть все же люди знаютъ, что, при нечуткомъ обращеніи съ нимъ, человѣка, который никогда даже мухи не обидѣлъ и который всегда былъ удивительно корректенъ и идеально гуманенъ, они довели до слѣдующаго чудовищнаго законодательства:...

О преступленіяхъ и проступкахъ вообще.

1. Преступленіемъ или проступкомъ признаются не только «противозаконное дѣяніе» и «неисполненіе того, что подѣ страхомъ наказанія предписано», но еще болѣе того, всякія дѣянія, которыя, будучи до сихъ поръ не преслѣдуемы, дошли до того, что переносятся и чувствуются гораздо тяжелѣе и мучительнѣе всякихъ запрещенныхъ и противозаконныхъ дѣяній потому, что они противочеловѣчны!...

2. За указанные выше преступленія и проступки, «по роду и мѣрѣ важности оныхъ», кромѣ чисто оригинальныхъ, устанавливаются слѣдующія наказанія: 1—исправительныя арестантскія отдѣленія, рекомендуемыя къ назначенію пожизненно, дабы преступники получше исправлялись, 2 — каторжныя работы, которыя, по нашему мнѣнію, для каторжниковъ самая подходящая, (они даже свое наименованіе «каторжныя» получили отъ слова «каторжанинъ»)... 3—повѣшеніе за шею, 4 — повѣшеніе за ребро и 5 — посаженіе на колѣ!!.

О письмахъ.

102. Кто, будучи на почтѣ, узналъ, что на имя коллеги имѣется письмо «До востребованія» не сообщилъ ему о семъ въ первую же встрѣчу, подлежитъ за сіе, по лишенію нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, заключенію въ крѣпость отъ 2 лѣтъ 8 мѣсяцевъ 1 недѣли и 5 часовъ, до 4 лѣтъ 6 мѣсяцевъ 3 недѣли 2 часовъ и 25 минутъ!..

103. Ежели же о семъ не было коллегѣ сообщено при нѣсколькихъ встрѣчахъ, а коллега усиленно ждетъ сего письма, виновный въ семъ преступленіи,

по лишеніи всѣхъ правъ, подлежитъ ссылкѣ въ каторжныя работы безъ срока...

184. Кто будучи самъ здоровъ и имѣя для хожденія хорошія ноги, дастъ товарищу письмо, для опущенія въ почтовый ящикъ, этимъ самымъ причиняя ему страхъ и терзанія, какъ-бы не забыть исполнить порученіе, тотъ за сіе подлежитъ, по лишеніи половины правъ и преимуществъ, и по ампутированіи безъ хлороформа этихъ ногъ, выставленію за шею въ дверь со словами: «Теперь, ступай на всѣ четыре стороны!»

243. Кто взявъ письмо у товарища, чтобы бросить его въ ящикъ, не броситъ его въ ближайшій же ящикъ, тотъ за сіе подлежитъ лишенію $\frac{4}{5}$ своихъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ почтальоны низшаго разряда на всю жизнь, безъ надежды когда-либо возвыситься изъ сего положенія, дабы онъ хоть на будущее время научился достойно относиться къ чужой корреспонденціи..

244. Ежели же онъ обошелъ весь городъ и письмо осталось у него въ карманѣ до того случая, когда случай откроетъ ему это, а давшій письмо давно уже ждетъ отвѣта, терзается и мучительно гадаетъ о причинахъ неполученія отвѣта, виновный въ семъ тягчайшемъ преступленіи, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, подлежитъ смертной казни черезъ повѣшеніе!!.

О порученіяхъ.

377. Кто узнавъ, что студентъ ѣдетъ въ университетъ, гдѣ учится его сынъ, родственникъ или знакомый, поручитъ передать ему письмо, когда, слава Богу, для этихъ цѣлей въ странѣ дѣйствуетъ почта, тотъ за сіе подлежитъ пожизненной ссылкѣ въ такое мѣсто государства, гдѣ нѣтъ ни почты, ни людей, ибо, видимо, почтой онъ не умѣетъ пользоваться, а людей беспокоитъ!..

378. Ежели же кто, пользуясь стѣсненіемъ студента отказать, поручитъ ему доставить коллегѣ не только письмо, но и посылку, да еще съ вареніемъ тотъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, подлежитъ немедленному посаженію на колѣ!!.

О займѣ.

562. Ежели кто «на ходу» занявъ у товарища по курсу 20, 25 коп. и полтинникъ или рубль *на одинъ день* не возвратитъ долгъ и въ *одинъ годъ*, тотъ за сіе подлежитъ, согласно (совѣту статьи 2-й), пожизненной отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія, съ лишеніемъ всѣхъ правъ, послѣ оной отдачи въ отдѣленія, но не ранѣе сего...

563. Ежели же долгъ не будетъ возвращенъ и въ *два года* и должникъ пользуется стѣсненіемъ

нуждающагося кредитора просить о возвратѣ долга, виновный въ семъ изъ пожизненнаго арестантскаго отдѣленія переводится пѣшкомъ въ пожизненную каторгу, безъ замѣны, въ случаѣ несостоятельности, штрафомъ!..

564. Ежели же должникъ совершенно предасть забвенію долгъ и при томъ, въ присутствіи кредитора, будетъ вести себя такъ, точно, въ сущности, онъ вовсе ничего и не долженъ ему, онъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, подлежитъ смертной казни черезъ повѣшеніе за ребро!!!

Примѣчаніе 1-е. Статья эта распространительному толкованію не подлежитъ и на случай займовъ иныхъ суммъ не распространяется.

Примѣчаніе 2-е. Статья эта караетъ займы только у своихъ сокурсниковъ, а до остальныхъ ей дѣла нѣтъ!..

Примѣчаніе 3-е (и самое главное). Во всѣхъ вышеизложенныхъ случаяхъ, гражданскій искъ подлежитъ полному удовлетворенію... Но, для вящаго наказанія должниковъ за ихъ неисправность, именно тѣми монетами, которыя они брали взаймы, ибо возвращеніе именно тѣхъ монетъ, которыя были взяты и есть истинное и исчерпывающее возмѣщеніе долга... А то возвращеніе иныхъ монетъ всегда оставляетъ нѣкоторый осадокъ въ душѣ занявшаго и заставляетъ его считать, что онъ, несмотря на возвращеніе долга, еще долженъ что-то кредитору, напримѣръ, долженъ самъ занять ему въ другой разъ.

Насъ могутъ спросить: «Г. Законодатель, а въ чемъ же тогда польза займа, если надо возвращать тѣ же монеты?» Но намъ нѣкогда отвѣчать на всякіе вздорные вопросы!!

825. Ежели кто займетъ у товарища 7-ми или 3-хъ копѣчную марку и, обѣщая вернуть долгъ

марками же, при встрѣчѣ съ кредиторомъ будетъ предлагать ему долгъ деньгами, когда вся суть тутъ въ маркахъ, тотъ за сіе, по лишеніи всѣхъ правъ, подлежитъ ссылкѣ въ каторжныя работы безъ срока, съ зачетомъ предварительнаго заключенія...

894. Ежели кто занявъ у товарища по курсу на три дня рубль, два, три или пять рублей вернетъ ихъ самъ черезъ три мѣсяца или въ промежутокъ времени до одного года, получившій долгъ кредиторъ, на основаніи ст. 539-й ч. 1-й т. X-го, обязанъ одну треть возвращеннаго долга отдать дебитору, ибо подобное полученіе денегъ должно почитаться не за то, что онъ получилъ отданное имъ въ долгъ, а за то, что найдены деньги имъ утерянныя и нашедшій ихъ это г. дебиторъ...

898. Ежели же долгъ будетъ возвращенъ черезъ два года или вообще до окончанія курса университета и тѣмъ же добровольнымъ манеромъ, этотъ видъ возвращенія долга уже не имѣетъ сего характера и скорѣе можетъ быть сочтенъ за то, что уже должникъ занимаетъ деньги кредитору, а посему кредиторъ отнынѣ обязанъ считать себя должникомъ своего дебитора...

Примѣчаніе 1-е. Данная статья не подлежитъ распространительному толкованію и на займы иныхъ, кромѣ указанныхъ въ статьѣ суммъ не распространяется..

Опять-таки могутъ насъ спросить: «Почему же?» Но на это у насъ есть свои соображенія, которыя не зачѣмъ всѣмъ знать!!

(Немедленно слѣдуетъ продолженіе).

К. Цагарели.

І Ю Л Ъ

Солнце затучилось. Жардень. Въ неубранномъ полѣ
Люди измучились: въ славимой городомъ волѣ.

* * *

Ну-ка, природы славитель! горжанинъ богатомошонный!
Выйди въ страду на денечекъ, на корень казны некошенной!

* * *

Выйди-всмотриись, какъ на славимой люди устали?!..

.....
Ты зарѣшетишься мощью законовъ и стали.

Алексѣй Чичеринъ.

„ГАСТРОЛЕРЫ“ Студентъ

Дѣла студента Марина были весьма плачевны. Два дня онъ не обѣдалъ, питаясь все время хлѣбомъ и чаемъ. Почти всѣмъ своимъ товарищамъ онъ задолжалъ, и даже духу не хватило снова просить займы, тѣмъ болѣе, что надеждъ на отдачу было мало. Средствъ къ жизни не оставалось никакихъ. Еще нѣсколько дней,—и квартирная хозяйка попроситъ освободить комнату, такъ какъ заплатить нечѣмъ будетъ. Не имѣя родныхъ, или родственниковъ, которые могли бы дать хотя бы небольшую матеріальную поддержку въ трудную минуту, Маринъ съ четвертаго класса гимназіи перебивался уроками. Поступивъ въ университетъ на математическій факультетъ, онъ сразу началъ отстаивать свое право на существованіе. До сихъ поръ ему сравнительно везло. То уроки попадались порядочные, то изъ университета получалъ пособія,—словомъ перебивался и жилъ, какъ живетъ большинство нашихъ студентовъ. Но теперь съ самаго начала года Маринъ имѣлъ одинъ урокъ за 10 руб. въ мѣсяцъ,—и живи, какъ хочешь. А до выдачи пособія еще далеко. Маринъ лежалъ на постели, заложивъ руки подъ голову и смотрѣлъ въ потолокъ. Въ убогой конуркѣ, которую врядъ ли можно было назвать комнатой царилъ беспорядокъ. Было сыро и холодно. Настроеніе Марина гармонировало съ состояніемъ его желудка. А въ желудкѣ что-то перели-

валось и бурлило, кишки заунывно тянули голодный маршъ, и такъ остро, мучительно хотѣлось ѣсть, набить чѣмъ-нибудь тяжелымъ, сытнымъ этотъ пустой мѣшокъ, такъ назойливо требующій пищи. „Эхъ, была-не-была, пойду къ Прилуцкому“, рѣшилъ вдругъ Маринъ, „онъ, кажись, вчера получилъ изъ дому деньги, авось удастся у него перехватить цѣлковый въ счетъ будущихъ благъ“. Быстро вскочивъ съ постели, Маринъ одѣлъ старую, потертую тужурку, напялилъ на себя шинель и фуражку, околышъ которой давно утратилъ свой первоначальный цвѣтъ, и вышелъ изъ дому. Погода была мерзкая—моросилъ мелкій ноябрьскій дождь, пронизывающій до костей. Маринъ поднялъ воротникъ шинели, уткнулъ голову въ плечи и быстро зашагалъ. Придя къ Прилуцкому и заставъ его спящимъ, Маринъ безцеремонно сталъ тормошить товарища. „Ишь, дрыхнетъ“, думалъ онъ, „вѣрно, здорово только что пообѣдалъ и теперь прохлаждается“. Прилуцкій проснулся и бессмысленно выпучилъ глаза на стоящаго надъ нимъ Марина. „Ну какого ты черта будишь меня? Принесла тебя нелегкая! Тутъ такой сонъ снился... Эхъ!“—И Прилуцкій, ворча что-то себѣ подъ носъ, поднялся и сѣлъ на постели. „Ты, сытое животное, не ори и не злись“, проговорилъ Маринъ, „а хочешь-не-хочешь, раскошеливайся и займи, сколько можешь. Понимаешь, жрать хочется чертовски. Два дня

ни черта, кромѣ чая да хлѣба, во рту не было!“ „Гмъ“, промычалъ Прилуйкій, „это другой номеръ. Вчера только получилъ изъ дому 30 руб., а сегодня всего лишь шесть гривенъ осталось. Уплатилъ за квартиру, роздалъ долги, вечеромъ выпили здорово—и денегъ нѣтъ, будто и не было. Ну, ладно, подѣлимся. Бери 30 коп., далъ бы больше, да самъ видишь, что нѣтъ“. „Ну, спасибо, братъ“, сказалъ Маринъ, положивъ въ свой тощій кошелекъ деньги. „Эхъ, и нажрусь же я сегодня!“ Весело, заранѣе смакуя то, что онъ будетъ ѣсть, Маринъ вышелъ отъ товарища. Идя по улицѣ, онъ сосредоточенно размышлялъ, идти ли обѣдать въ студенческую столовку и пообѣдать копеекъ за 15—20, или же пообѣдать сытно, съѣсть полный обѣдъ въ „Вѣнской столовой“, гдѣ онъ обѣдалъ въ тѣ дни, когда у него водились деньги. Но тамъ обѣдъ стоилъ 30 коп. „Эхъ кутить, такъ кутить“, подумалъ Маринъ и рѣшительно направился въ „Вѣнскую“. Придя въ столовую, гдѣ было очень много народу, преимущественно учащейся молодежи, Маринъ раздѣлся и еле-еле отыскалъ себѣ свободное мѣсто. Служанка подала ему карточку. „На первое возьму, конечно, борщъ“, размышлялъ Маринъ, „а на второе отбивную... пожалуй, маловато будетъ, возьму рубленныя котлеты: ихъ двѣ даютъ, и наѣсться можно вполнѣ“. Заказавъ обѣдъ, Маринъ съ довольнымъ видомъ откинулся на спинку стула и сталъ ждать. Когда горничная поставила передъ нимъ дымящійся, убійственно вкусный пахнувшій борщъ, онъ быстро принялся за ѣду. Ему казалось, что вкуснѣе этого борща никогда ничего не ѣлъ. Съѣвъ борщъ и мясо, при чемъ отъ хлѣба, поданнаго ему, осталось лишь одно воспоминаніе, Маринъ почувствовалъ, что почти сытъ. Его желудокъ, отвыкшій отъ пищи, мгновенно отяжелѣлъ. Ему подали котлеты, къ которымъ онъ попросилъ еще хлѣба. „А что“, подумалъ Маринъ, „если завернуть котлеты въ бумагу да взять ихъ съ собой. Какой бы чудный ужинъ получился! Да неловко, всѣ смотрятъ, замѣтятъ. А если наплевать на все и взять? Что за ложный стыдъ?“ Маринъ уже полѣзъ было въ боковой карманъ тужурки и началъ вытаскивать оттуда листъ газетной бумаги. Но въ это время ему показалось, что барышня, повидимому, курсистка, сидѣвшая напротивъ, пристально смотритъ на него, какъ бы угадывая его мысль. Маринъ моментально отдернулъ руку отъ кармана. „Ну, да чертъ съ нимъ“, подумалъ онъ, злясь на себя за свою слабость воли, и принялся ѣсть котлеты. Съѣвъ

ихъ, поднялся, налилъ себѣ стаканъ воды и медленно выпилъ. Расплатившись, подумалъ, что недурно было-бы теперь закурить папирочку. Началъ оглядывать столы, нѣтъ ли когонибудь изъ знакомыхъ, у кого можно было бы достать покурить. Ему положительно везло сегодня. У одного изъ столовъ, онъ замѣтилъ своего сокурсника и подошелъ къ нему за папиросой. Тотъ съ удовольствіемъ далъ. Поблагодаривъ коллегу, Маринъ съ папиросой направился къ выходу. Онъ чувствовалъ себя великолѣпно. Настроение было какое то бодрое, приподнятое. Не хотѣлось ни о чемъ думать: ни о томъ, что завтра, вѣроятно, ужъ не придется обѣдать, что вновь придется питаться чаемъ съ хлѣбомъ, что будущее довольно мрачно и что впереди еще много, много тяжелыхъ дней... Являлось лишь одно страстное желаніе: пойти домой и лечь спать. Послѣ такого сытнаго обѣда чувствовалась сильная усталость во всѣхъ членахъ и безумно хотѣлось спать. Выходя изъ столовой, Маринъ увидѣлъ какого то оборванца, дрожавшаго отъ сырости и жадно заглядывавшаго въ окно столовой. Когда Маринъ проходилъ мимо него, тотъ обратился къ нему: „Господинъ студентъ, подайте чтонибудь, два дня ничего не ѣлъ, кромѣ черстваго хлѣба да воды ничего во рту не было. Я—бывшій рабочій, послѣ того, какъ лишился работы, началъ опускаться все ниже и ниже. Я теперь нищій, босякъ, а, вѣдь, когда-то и я былъ человѣкомъ, и я хотѣлъ учиться, знать... Подайте что-нибудь, господинъ студентъ, вы, вотъ, пообѣдали, а я еще съ утра ничего не ѣлъ“, Молящій голосъ оборванца, его жалкій, измученный видъ и протянутая рука, но въ особенности слова: „Вы, вотъ, пообѣдали“, которыя онъ произнесъ, идя рядомъ съ Маринымъ, заставили остановиться послѣдняго. Онъ зналъ, что не въ состояніи ничего дать этому бѣднягѣ, что у него въ карманѣ нѣтъ ни копѣйки, но что-то ударило его по нервамъ. Ему послышался въ словахъ оборванца упрекъ, справедливый укоръ. „Вы пообѣдали“, звенѣло въ его ушахъ. „Послушайте“, заговорилъ онъ, обращаясь къ оборванцу, „у меня ничего нѣтъ, повѣрьте мнѣ. Я самъ сегодня занялъ на обѣдъ у товарища“. Оборванецъ недовѣрчиво смотрѣлъ на него. „Вы мнѣ не вѣрите?“ волнуясь и нервничая продолжалъ Маринъ, „конечно, вы имѣете основаніе. Вы видите, что я одѣтъ, сравнительно, хорошо, на ногахъ сапоги, хотя и драные, даже галоши. Но вы не можете себѣ представить, что, въ сущности, я такой же пролетарій, какъ и вы, что немного еще времени

и, если какая-либо счастливая случайность не выручитъ меня, быть можетъ, придется очутиться на улицѣ. Послушайте, пойдѣмте со мной. Я забѣгу къ товарищу, у котораго досталъ сегодня деньги на обѣдъ, у него немного осталось, возьму для васъ“.

Они пошли вмѣстѣ. Всю дорогу молчали. У Марина такъ тяжело было на душѣ, что не хотѣлось говорить. Прохожіе съ любопытствомъ оглядывали этихъ двухъ людей, шагавшихъ рядомъ. У обоихъ были молодые лица. Оба были худы, блѣдны и безкровны. Но на одномъ была студенческая шинель и фуражка, а другой былъ одѣтъ въ рваную куртку, такія же изодранныя брюки и старый картузь. Два пролетарія быстро шагали по улицамъ. Дойдя до воротъ дома, гдѣ жилъ Прилуцкій, Маринъ попросилъ своего спутника обождать немного. Прилуцкій былъ дома. Когда онъ узналъ отъ взволнованнаго Марина, на что ему деньги, то, не говоря ни слова, далъ ихъ. „Слушай, голубчикъ, нѣтъ ли у тебя старой тужурки, брюкъ или сапогъ?.. Вѣришь, не могу смотрѣть равнодушно на этого бѣдняка, дрожащаго отъ холода. Мнѣ стыдно за то, что у меня есть шинель и галоши“...—„Ну не пори ерунды“, перебилъ Прилуцкій сердито, „самъ голоштанникъ, а туда же лѣзетъ съ разсужденіями“. Ты посмотри лучше на себя, какой ты красивый! Ужъ кому, но не тебѣ испытывать чувство стыда и угрызенія совѣсти. Эхъ, братъ, хорошій ты парень! Ну, ладно. Сейчасъ найдемъ что-нибудь для бѣдняка“.

Нашлись старыя діагоналевыя брюки, галоши, снизу совсѣмъ цѣлыя и зимняя студенческая фуражка. Тужурки не было. Не долго думая, Маринъ сбросилъ тужурку и снялъ съ себя теплую фланелевую рубашку, остатокъ роскоши давно минувшихъ дней. „Обойдусь и безъ нея“, думалъ онъ, завертывая всѣ вещи въ газету. „Ну, прощай, братъ, спасибо“, кинулъ отъ товарищу и вышелъ.

На улицѣ Маринъ передалъ деньги и свертокъ поджидавшему бѣдняку. Тотъ, увидя все, былъ растроганъ.

— „Спасибо“, со слезами на глазахъ промолвилъ онъ, „еслибы всѣ люди были такими, какъ вы, быть можетъ и не было бы такихъ несчастныхъ, какъ я. Спасибо! Я говорить и благодарить не умѣю. Я научился только просить и умолять. Позвольте пожать вашу руку. Вы, такой же бѣднякъ, какъ и я, помогли мнѣ, а богатымъ, довольнымъ и сытымъ людямъ, къ которымъ я обращался, лѣнь было сунуть руку въ карманъ и достать немного мелочи для меня. О, будь они прокляты всѣ! Съ какимъ наслажденіемъ я когда-нибудь схвачу кого-нибудь изъ этихъ брюхачей за горло и, сжимая его, заставлю трепетать, молить о пощадѣ и обѣщать мнѣ груды денегъ, лишь бы я пощадилъ его презрѣнную жизнь!.. Виновать простите... Еще разъ спасибо... Прощайте“. Запахнувъ куртку и прижимая къ груди свертокъ, оборванецъ отошелъ. Маринъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, глядя ему вслѣдъ, пока тотъ не скрылся за поворотомъ. Затѣмъ онъ медленно пошелъ домой. Ему теперь не хотѣлось спать. Придя въ свою конуру, Маринъ раздѣлся и прилегъ на кровать. Онъ думалъ. Но не о себѣ. Стыдно было думать о себѣ, когда вокругъ есть еще болѣе несчастные, чѣмъ онъ. Какъ тяжело и больно было, что онъ безсиленъ помочь, такъ какъ еще немного—и онъ самъ очутится въ положеніи, не лучшемъ того бѣдняка. Больно, обидно и стыдно было за людей, которые такъ черствы и эгоистичны, что въ заботахъ о себѣ совершенно забываютъ о тѣхъ несчастныхъ и обездоленныхъ, которыхъ такъ много видятъ вокругъ себя. Стыдно было и за себя. Что-то судорожно сжало горло и Маринъ, уткнувшись въ подушку, глухо зарыдалъ...

Марининъ.

* * *

Все, что въ мірѣ существуетъ,
Въ чемъ хоть капля крови бьется,
Если любить,—торжествуетъ
И блаженствуетъ, смѣется.

* *

Человѣкъ же, царь творенья,
Царь земли—лишь не ликуетъ,
Если любить, отъ сомнѣнья
Часто плачетъ и тоскуетъ.

Я. М.

То же „юриста“

Танго

Подъ томительно-страстные звуки,
Подъ тропическій, знойный мотивъ,
Извиваются гибкія руки,
Такъ прекрасенъ ихъ тонкій извивъ.
И въ какой-то мистической дремѣ,
Станъ, охваченный тѣснымъ кольцомъ,
Наклоняется въ сладкой истомѣ,
Взоръ горитъ упоеньемъ, огнемъ!
Все быстрѣй и томительнѣй пляска,
Опьяняетъ волшебникъ рояль,
Этотъ танецъ мнѣ кажется сказкой...
Въ звукахъ Танго восторгъ и печаль!

Юлія Соколовская.

Скрипка

Гдѣ-то молилася скрипка,
Гдѣ-то ласкался ручей,
Гдѣ-то сверкнула улыбка
Темныхъ, бездонныхъ очей...

* * *

Гдѣ-то проснулись надежды,
Звѣрь пробудился лѣсной,
Гдѣ-то сомкнулися вѣжды,
Гдѣ-то родился прибой...

* * *

Гдѣ-то молилася скрипка
Звѣздамъ и солнцамъ—вѣнецъ...
Гдѣ-то сверкнула улыбка...
Гдѣ-то страданьямъ конецъ!..

П. Семеновъ.

Студентъ?

Что говорятъ студенты-юристы о своихъ профессорахъ

О ректорѣ И. В. Немушилѣ:

Отецъ всѣхъ студентовъ, которые до сихъ поръ не могутъ свыкнуться съ тѣмъ положеніемъ, что глубокоуважаемый Иванъ Вячеславовичъ уже ректоръ, и, по старой памяти, продолжаютъ его „ловить“ на лѣстницахъ и на улицахъ, осаждавая разными ходатайствами...

О проректорѣ Н. И. Палиенко:

И онъ, и студенты всегда охотно „идутъ“ другъ къ другу навстрѣчу. Только „несутъ“ разное: студенты прошенія, а онъ—деньги...

О деканѣ В. Ф. Левитскомъ:

Заслуженный профессоръ и пользуется исполнѣ заслуженной любовью студентовъ.

О проф. Гордонѣ:

„Послушна миѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастье, въ ней честь моя и слава!“...*)

О проф. Киселевѣ:

Онъ не особенно жалуется „иностранцевъ-гастролеровъ“, прилетающихъ съ первымъ дыханіемъ весенняго вѣтерка въ аудиторію. Они тогда познаютъ всю тяжесть уголовныхъ законовъ... Въ природѣ весна, а имъ почему-то холодно...

О проф. Поповѣ:

Читаетъ гражданскій процессъ и семейное право. Послѣднимъ особенно увлекается... Вѣроятно, потому, что пока еще не позналъ прелестей семейной жизни...

*) Примѣчаніе. Редакція Θемиды слышала слѣдующее дополненіе къ этому миѣнію. Студенты говорятъ: «Это только харьковцы недавно выбрали проф. Гордона въ почетные мировые судьи, а для насъ онъ давно уже «почетный судья», но... иногда суровый!»

Подслушалъ секретарь редакціи Сатанели.

О проф. Тауберѣ:

Удивительный народъ эти студенты!.. Собираются отправить депутацію къ прис. повѣр. Тауберу, чтобы тотъ попросилъ проф. Таубера не быть такимъ точнымъ и не начинать чтеніе лекцій въ 9 час. утра. Они, видите-ли, не успѣваютъ выспаться, какъ слѣдуетъ. Ну, и студентъ пошелъ нынѣ!..

О проф. Темниковскомъ:

Страстный любитель всего, что касается лошадиного спорта. Студенты сравниваютъ экзамены по церковному праву со скачками съ препятствіями и передъ нимъ тренируются во всю, дабы не сломать себѣ шеи...

О проф. Соболевѣ:

„Прошли золотые денечки“, тоскливо напѣваютъ студенты, глядя на два объемистыхъ тома Озерова, или на не менѣе солидный томъ Эберга и гадая, какое изъ двухъ золъ меньше...

О проф. Сабининѣ:

Онъ во время экзаменовъ возлагаетъ *onus probandi* всецѣло на отвѣтника; тотъ сперепугу нерѣдко теряетъ и *animus*, и *corpus*, послѣ чего слѣдуетъ неизбежное *in integrum restitutio*...

О проф. Максимейко:

Суровъ, но только по виду. Злые языки (студенты) говорятъ, что онъ очень любитъ русское право и русскіе... синемаатографы.

О проф. Анцыферовѣ:

Все у него, какъ у истиннаго статистика, построено на цифровыхъ данныхъ. Къ сожалѣнію, студенты не имѣютъ цифровыхъ данныхъ о томъ, сколько разъ подъ рядъ онъ въ состояніи спѣть „Gaudeamus“...

О проф. Ястржембскомъ:

Студенты весь годъ работаютъ надъ опредѣленіемъ: „Что такое международное право?“ Къ экзаменамъ у каждаго студента бываетъ готово свое „собственное“ опредѣленіе. По какой-то роковой случайности, оно у всѣхъ одинаково (по Листу).

О проф. Фатѣевъ:

Любить пересыпать свои лекціи цѣлымъ потокомъ иностранныхъ словъ. Юные первокурсники съ глубокомысленнымъ видомъ слушаютъ, дѣлая „умное“ лицо.

О пр.-доцентъ Сливицкомъ:

Любить приводить казусы изъ гражданского права, вродѣ того, какимъ образомъ „Я былъ мужемъ своей жены и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ея внукомъ и проч.“ Очень увлекается при чтеніи лекцій. „Увлекается“ всегда и его пенснэ, которое почему-то всегда тяготѣетъ къ каюедрѣ, гдѣ, чувствуя себя не на своемъ мѣстѣ, обыкновенно разбивается, вызывая смущеніе и профессора, и студентовъ...

О пр.-доцентъ Алексѣевъ:

Пропагандистъ государственнаго права важнѣйшихъ иностранныхъ державъ въ нашемъ университетѣ. Но студенты считаютъ, что важнѣе всѣхъ русское государственное право...

О пр.-доцентъ Фоминыхъ:

„Былъ май, веселый мѣсяцъ май“ (1912 г.)... Пора любви!.. И студенты влюбились въ... статистику. Терпѣливо выслушивала она довольно однообразныя объясненія и лишь изрѣдка „срѣзала“ какого-нибудь не въ мѣру увлекшагося студента.

О пр.-доцентъ Маклецовъ:

Что касается „Новыхъ теченій въ наукѣ уголовного права“, то студенты оказались въ этомъ отношеніи консерваторами...

О проф. Раевскомъ:

Читаетъ административное, сирѣчь, полицейское право. Администрація..., полиція... Студенты почему-то не охотно говорятъ объ этомъ...

Подслушалъ дядя Яша.

На моемъ знамени:

(Подражаніе К. Бальмонту).

Я въ міръ пришелъ, чтобъ было солнце

И каждый солнцемъ былъ!..

Я въ міръ пришелъ, чтобъ было солнце,

Міръ солнца не забылъ!!

К—нѣ.

Основные законы студентов-юристов

(Отрывки, вводимые в дѣйствіе съ 10 февраля 1914 года).

Ст. 1. Община студентов-юристовъ едина и нераздѣльна.

Примѣчаніе. Посему въ составъ оной надобно равно включить какъ юристовъ, посѣщающихъ помѣщенія Юрид. факультета И. Х. У., такъ и тѣхъ, кои имѣютъ постоянное пребываніе на Сумской ул. г. Харькова, и которые неизмѣнно украшаютъ своимъ присутствіемъ блестящіе рестораціи, бильярдныя и пивныя университетскаго града.

Ст. 3. Юридическій языкъ есть языкъ общенепонятный. Послѣднее качество обязательно во всѣхъ истинно-юридическихъ сочиненіяхъ, рефератахъ и проч., и проч... Употребленіе доступныхъ пониманію оборотовъ рѣчи и словъ иногда допускается въ качествѣ „поэтической вольности“, но въ строго указанныхъ особыми постановленіями границахъ.

Ст. 70. Защита чести и добраго имени юриста есть священная обязанность каждаго студента Юрид. фак. Посему, носи всегда гордо свою голову, отнюдь не смущаясь содержимымъ оной и тяжеловѣсною складываемыхъ и сваливаемыхъ туда познаній.

Ст. 71. Всѣ студенты-юристы обязаны: 1) матеріально поддержать свой юридическій балъ, уплативъ установленные на то налоги и пошлины, а также 2) по мѣрѣ надобности, отбывать повинности (распорядительство, распространеніе билетовъ, программъ и т. д.).

Примѣчаніе. Указанное въ п. 1 ст. 71 правило желательно распространить и на всѣхъ вообще лицъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ юридич. міру.

Ст. 73. Всякое лицо можетъ быть задержано подъ стражей юристовъ-распорядителей, за нарушеніе ст. 95 сихъ законовъ.

Ст. 74. Послѣдствія указаннаго задержанія (ст. 73) суть:

- 1) уплатить in duplum цѣны предложенныхъ предметовъ.
- 2) принесеніе присяги, добыть денежныя средства всѣми способами.

Примѣчаніе. Нарушители п. 2 будутъ считаться клятвопреступниками и отщепенцами, отлученными отъ стола и общенія съ юристами.

Ст. 75. Жилище всякаго юриста-студента прикосновенно. Да всякъ, желающъ проникнуть туда, войдетъ. Отсутствіе въ немъ цѣнностей будетъ благоугодной слержкой для любителей чужой собственности.

Ст. 76. Каждый студентъ-юристъ имѣетъ право свободно избирать мѣсто жительства, перемѣнять оное (въ установленныхъ предѣлахъ), и безпрепятственно выѣзжать изъ занятыхъ ком-

натъ, не платя за то, по благородству званія, особыхъ денегъ и сборовъ.

Примѣчаніе 1. Дозволяется сей статьей перемѣна квартиръ не чаще 7 разъ въ недѣлю.

Примѣчаніе 2. Для правильнаго пониманія оговорокъ о платежѣ, надобно руководствоваться нормами обычнаго харьковскаго студенческаго права.

Ст. 76¹. Каждый студентъ-юристъ имѣетъ право, по причинѣ универсальности своего умственного багажа, свободно избирать себѣ занятіе и занимать любое мѣсто и должность. Посему не удивляйтесь, если вдругъ трубочистъ произнесетъ рѣчь о Джонѣ Стюартѣ Миллѣ и о цессіи обязательствъ, а капельдинеръ въ театрѣ, контролеръ въ поѣздѣ засыпаетъ васъ, о, простодушный обыватель, цитатами изъ учебниковъ Фатѣева, либо Суворова.

Ст. 77. Собственность студ.-юристовъ неприкосновенна и по своей природѣ (ex natura) неуязвима, т. к. состоитъ изъ обрывковъ свѣдѣній по конспектамъ, запискамъ, романамъ, кинематографическимъ картинкамъ и т. п. Принудительное отчужденіе сей собственности допускается не иначе, какъ въ особыхъ чистилищахъ, именуемыхъ экзаменаціонными комиссіями, и въ особо на то установленные сроки (не чаще 3 разъ въ годъ).

Ст. 78. Въ цѣляхъ поддержанія древней доблести, для объединенія съ обществомъ себѣ подобныхъ, юристами устраивается студенческій балъ.

Ст. 81. Студ.-юристы пользуются (временно) свободою посѣщенія лекцій. Однако, непремѣнное условіе пользованія сей свободой: требуется, чтобы на всѣхъ объявленныхъ факультетомъ лекціяхъ бывало хотя бы по 3 слушателя.

Ст. 82. Правами харьковскихъ студ.-юристовъ могутъ пользоваться, при соблюденіи нѣкоторыхъ условій, и иностранцы—„гастролеры“.

Ст. 87. Во время прекращенія дѣйствій на сценѣ или иной увеселительной программы, зрители-гости и всѣ присутствующія лица приглашаются поддержать матеріальный успѣхъ бала, покупкой предлагаемыхъ имъ программъ, цвѣтовъ, значковъ, журналовъ, посѣщеніемъ особо устроенныхъ буфетовъ, музеевъ, кабаре и т. п.

Ст. 95. Никто не можетъ отговариваться неимѣніемъ денегъ и средствъ! Послѣдствія нарушенія этого постановленія указаны въ 73 ст. сихъ законовъ.

В. К. Г.

Анекдоты изъ студенческой жизни

Студентъ П. однажды поужинавъ хорошо у Циммермана, обнаружилъ, что портмонэ забылъ дома. Положение оказалось острымъ, но вдругъ онъ замѣтилъ въ залѣ одного знакомаго приказчика и подбѣжалъ къ нему:

— Не будетъ ли у васъ лишняго рубля?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ—отвѣтилъ знакомый—у меня всего одинъ рубль въ карманѣ...

П. съ досадою оглядѣлъ его съ ногъ до головы и возмущенно произнесъ:

— Чортъ возьми! Что за нахальство идти съ рублемъ въ карманѣ въ ресторанный?

Студентъ А. не пилъ никогда. Однажды товарищи напоили его... Выйдя отъ товарищей А. сѣлъ на стоявшую тутъ же телѣгу съ мусоромъ. Когда возница подошелъ къ нему, А. торжественно опустилъ руку въ карманъ жилета, досталъ гривенникъ и не менѣе торжественно произнесъ:

— Позвольте мнѣ билетъ...

Оказалось онъ думалъ, что сѣлъ на конку...

Студентъ К., наоборотъ, часто кутилъ, но всегда ночью. Однажды гдѣ-то онъ кутилъ днемъ, но помня, что онъ всегда пьетъ только ночью, онъ подумалъ, что разъ онъ пьянъ, значитъ теперь ночь, а если ночь, то слѣдовательно калитка во дворъ дома заперта и онъ, какъ всегда, долженъ лѣзть черезъ заборъ. Въ силу такой логики, онъ, добравшись до дому, средь бѣла дня, взлѣзъ на заборъ... Его съ трудомъ удалось снять съ него...

Однажды, одинъ изъ студентовъ видѣлъ какъ профессоръ, строгій экзаменаторъ, направляясь на экзаменъ, у университетскаго сада, погладилъ шею лошади стоявшаго тутъ ванька... Студентъ взялъ извозчика, примчался въ университетъ и сообщилъ товарищамъ видѣнный фактъ, какъ доказательство того, что профессоръ сегодня въ прекрасномъ настроеніи. Списокъ желающихъ экзаменоваться моментально переполнился. Профессоръ былъ пріятно пораженъ полнотой списка... Но... экзаменъ начался и, одинъ за другимъ, стали вылетать студенты, съ пустыми зачетными книжками и традиціонной фразой: «Погналъ!» Толпа желающихъ моментально разсѣялась...

Студентъ Р. жилъ на средства богатаго дѣда, очень занятого человѣка. Однажды Р. всегда игравшій въ карты съ переменнымъ успѣхомъ, сразу проигралъ 80 р. изъ 100 руб., ежемѣсячно присылаемыхъ ему дѣдомъ. Въ горѣ, вдругъ его ослѣпила хитрая мысль... Онъ побѣжалъ въ телеграфъ и далъ телеграмму дѣду: «Потерялъ 80 р., въ отчаяніи!». На другой день, онъ получилъ по телеграфу 80 руб. Тогда онъ уже въ письмѣ написалъ, что потерялъ не 80, а 100 р. и что стѣснялся телеграфировать правду. Дѣдъ выслалъ ему и 20 руб. Съ этого случая Р., время отъ времени, началъ «терять» то опять 80 руб., то разныя суммы, конечно, все проигрывая въ карты. Дѣду, наконецъ, это бросилось въ глаза. Онъ окольными путями навелъ справки, на что тратитъ деньги его внукъ и, на традиціонную телеграмму о «потерѣ» 80 рублей, перевода деньги отвѣтилъ:

— «Ты опять, мерзавецъ, играешь въ карты?! Къ сожалѣнію, твой дѣдъ!».

Мысли и афоризмы

Адвокатъ это тотъ же священникъ и кто не исповѣдуется передъ нимъ, тотъ пусть и не ищетъ спасенія у него.

Не тѣ подлежатъ защитѣ адвоката, которые грѣшатъ противъ права, а тѣ, противъ которыхъ грѣшитъ само право.

Не обязательно быть философомъ, но философія безъ философа не бываетъ.

Всякое «инакомысліе» очень цѣнно, но лишь тогда, когда это «инокомысліе» есть глубокомысліе.

Если въ искусствѣ и бываютъ цѣнныя копіи, то въ мышленіи копіи всегда нуль.

Многія ничтожества могутъ считать себя геніями, но ни одинъ геній не считалъ себя ничтожествомъ.

И самое высокое дерево, какъ бы оно верхушками ни касалось облаковъ, питается соками все-жъ изъ земли.

Великимъ людямъ еще и то преимущество, что имъ печатаютъ и ихъ глупости.

Не интересный сюжетъ нуженъ генію, а геній всякій сюжетъ долженъ сдѣлать интереснымъ.

Человѣкъ самый лучший банкъ... Никакой банкъ не можетъ принести такихъ процентовъ!.

При фонарѣ, самое темное мѣсто подъ фонаремъ.

Только жемчугъ имѣетъ право быть пустымъ и претендовать на цѣнность, на основаніи одной лишь своей внѣшности.

Женщину нельзя отнести ни къ одной націи, а—только къ женщинамъ.

Говорятъ влюбленныя женщины глупѣютъ, по моему, онѣ просто становятся откровеннѣе...

Быть святой *можетъ* и женщина, но *хочетъ* быть святымъ только мужчина.

Если хочешь вѣрить—не думай!

Не смотри всегда вверхъ, а то спотыкнешься!

Держи носъ выше вѣтра и никогда не получишь насморка!.

К. Цагарели.

Элегантное мужское платье
ГОТОВОЕ и НА ЗАКАЗЪ

можно достать только въ магазинѣ

В. Германовскаго

Харьковъ,

Москалевская, 28.

РЕСТОРАНЪ
„Автоматъ“

И. Игнатищева и Н. Жевержеева

Николаевская пл.

Телеф. 35-72.

ЕЖЕДНЕВНО

Кулебяка,

Растеган

и разные Пирожки.

Обѣдъ изъ 2-хъ блюдъ . . . 50 коп.

» » 3-хъ » . . . 75 »

Для Гг. СТУДЕНТОВЪ:

Обѣдъ изъ 2-хъ блюдъ . . . 40 коп.

» » 3-хъ » . . . 60 »

Н-ки И. В. ЩЕКЛѢВА

ХАРЬКОВЪ,

Монастырскій пер., около Астраханской
гостиницы.

— 00 —

Громадный выборъ

**бриллиантовыхъ, золотыхъ
и серебряныхъ вещей.**

ФАБРИКА

каучуковыхъ и металлическихъ штамповъ,

Отдѣленіе писчебумажныхъ и канце-
лярскихъ принадлежностей

Г. Я. ШЕНБЕРГЪ

ХАРЬКОВЪ, Московская ул., № 11.

Вновь открыта первоклассная гостиница

Отель „Паласъ“

Харьковъ, Кацарская, 9.

Имѣется до 100 номеровъ, фешенебельно обста-
вленныхъ, со всѣми удобствами.

При гостиницѣ роскошный ресторанъ—завтраки,
обѣды и ужины.

Роскошная кухня, подъ строгимъ контролемъ.
Обѣды до 7 час. вечера.

Ко всѣмъ поѣздамъ автомобили и кареты.

ОБЪЕДЫ: изъ 3-хъ бл.—75 к., 4-хъ—1 р., 5-ти—1 р. 25 к.

Владѣлецъ В. В. Жаткинъ.

ГГ. СТУДЕНТЫ!

Не заказывайте форменного и штатного
платья раньше, чѣмъ не зайдете въ магазинъ

ТОРГОВАГО ДОМА

А. Н. Калашниковъ и К^о.

Зайдите и убѣдитесь въ дешевизнѣ,
доброкачественности и изящной работѣ.
За хорошее исполненіе работы мага-
зинъ ручается, что очень важно.

Дешево, изящно и модно!

Цѣны безъ торга.

Телефъ 11-73.

МАГАЗИНЪ

М. Г. Имханицкаго

ПЕРЕШЕЛЪ

Пушкинская, 58, уг. Технологической ул.

Телефонъ 26-53.

ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ

штатскаго и военнаго платья.

Большой выборъ лучшихъ русскихъ и
заграничныхъ матеріаловъ.

Заказы исполняются добросовѣстно,
подъ личнымъ наблюденіемъ.

ВО ВНОВЬ ОТКРЫТОЙ

(на углу Сумской улицы и
Театральной площади)

КОНДИТЕРСКОЙ-БУЛОЧНОЙ

И. И. Ходыкина

принимаются всевозможные заказы:

торты, слоеные пироги, куличи, пасхи
и разнаго сорта кулебяки.

ИСПОЛНЕНИЕ БЫСТРОЕ,

АККУРАТНОЕ

И ДОБРОСОВѢСТНОЕ.

Магазинъ І. М. РОЗЕНБЕРГА

(бывш. закройщикъ Халевскаго).

Николаевская пл., № 25, противъ Управленія
Полиціѣймейстера.

Форменное и штатское платье. Большой выборъ матеріаловъ.

Цѣны умеренныя. - - - Аккуратное выполненіе.

Портной

КОМИСАРОВЪ

Сумская, 2.